Автор: Moth
31.03.2008 17:26 -

Психология риска

Хрестоматийный рассказ Чехова „Злоумышленник“: крестьянин свернул гайку, крепившую рельсы железной дороги, себе на грузило для рыбалки, и следователь пытается ему объяснить его вину. Нелепая история, смешная ерунда. Далеко не всякий читатель чувствует здесь смех сквозь слёзы. Такова, конечно, особенность чеховского таланта; но такова и особенность нашего восприятия подобных коллизий.

На грузило можно купить свинец? Но гайка-то дармовая. Снятая гайка может стать причиной аварии? Что вы! Мы — люди с понятием; отворачиваем одну гайку, а вторую — обязательно оставляем. Проблему грузил так решает вся деревня.

Герой явно не понимает, в какую историю попал и что его ожидает.

Как он видит ситуацию?

Проложили рядом с деревней чугунку для каких-то городских барских надобностей. Но раз рядом, значит, она вошла в доступный всей деревне природный ресурс — вроде казённого леса, который тоже принадлежит государству и пользоваться им нельзя, но можно.

Конечно, с умом: надо „брать в меру“, тогда естественный прирост покроет недостачу. Рельса крепится двумя гайками? Одну нужно оставить…

Гайки воруют всем миром, а „с миром не поспоришь“. Он всегда прав. Поймали — перетерпишь, дело житейское. Несчастный случай.

Это целый мир представлений, который принципиально не сочетается с миром большого общества. Говорить со злоумышленником о вибрации рельсового пути, о перегрузках бессмысленно по фундаментальным обстоятельствам. Человек, способный осознать, почему нельзя разорять железнодорожное полотно, во всей полноте доводов: инженерно-технологических, юридически правовых, моральных — выпал из целостности традиционного крестьянского мира. Стратегически проблема злоумышленника снимается только с изживанием традиционного общества. Тактически единственный способ разрешить ситуацию — жёсткие репрессии.

Очевидно: пассажиры железной дороги, проходящей вблизи деревни „злоумышленников“, подвергают себя некоторым дополнительным рискам. Дополнительным. А ведь есть ещё и основные…

Кирпич на голову внутреннего динозавраВообще говоря, любой наш поступок может привести неизвестно к чему. О принципиальной неустранимости риска говорили всегда. И всегда просчитывали риски, возможные в той или иной ситуации. Выбегая в булочную, мы не боимся попасть под машину, хотя это возможно, но весьма маловероятно. Точно так же ведёт себя и общество. Мы просто не задумываемся над тем, какое место в жизни общества занимает выбор в ряду альтернатив. Демократическое общество осознанно, а авторитарное в лице своей научной, политической и административной элиты постоянно выбирает между демократией и порядком, надёжностью и эффективностью, скоростью и ценой. Сумма этих частных выборов складывается в кривую исторической эволюции общества.

Во второй половине XX века в западной социологии возникает целое направление: риск-рефлексия, формируется ряд теорий, среди которых — теория „общества риска“. Она утверждает, что современное общество — генератор рисков, а социальная реальность есть процесс создания, распространения и потребления рисков. Это неустранимый элемент современной реальности, масштаб и значимость которого постоянно возрастает. Возрастает настолько, что в перспективе риски могут привести западное общество к необходимости больших социальных и политических перестроек, которые смогут обуздать рост рисков и сделать их уровень приемлемым.

Особые риски возникают в традиционном обществе, когда оно переживает модернизацию.

Любое общество неоднородно; рядом с глубоко модернизированным сектором всегда есть другой, где элементы рационального пронизаны и переплетены с мифами и предубеждениями вполне традиционного свойства. А ещё есть мир маргиналов и неприспособившихся, где живут по моделям присваивающего хозяйства, восходящим к палеолиту. Прибавьте к этому постоянно растущий сектор мигрантов из мест ещё более традиционных и архаичных. Так что „чугунка“ никак не может миновать зону расселения „злоумышленников“.

Мало того: человек нового времени, рационалист по образованию и самоощущению, оказывается традиционалистом по сердечной склонности, по глубинным, мало осознаваемым импульсам. Он не может объяснить ни себе, ни другим, почему без крайней надобности перебегает дорогу перед автомобилем, походя нарушает правила техники безопасности. Почему любые правила и предписания вызывают в нём протест, а носители нормы представляются унылыми идиотами. Иными словами, „злоумышленник“ обнаруживается внутри стрелочника на железной дороге, машиниста и даже конструктора „чугунки“. Такого рода — частично модернизированное — сознание с необходимостью продуцирует дополнительные риски.

Мы не можем ни остановить развитие чугунки, ни размыть, уничтожить в одночасье злоумышленника, сидящего в каждом из нас. Это проблема, которая требует нашего осознания. Борьба с внутренним злоумышленником сродни психоанализу.

Свидетельство географа Б. Родомана: „К северу от Ярославля дачники разместились на

бывшей свалке отходов ртути и мышьяка“. Вдобавок „особенно интенсивно растут дачные посёлки под высоковольтными линиями электропередачи. Если расстелить там кольцо из проволоки, то можно зажечь лампочку. Выходные дни и отпуска проводят под высокочастотным облучением, под жужжание проводов. Собираются ли рожать детей пребывающие здесь женщины и девочки?“

Что это? Варварство, невежество, низкая культура — безусловно. Но это — особый вид варварства. Каждая третья, если не каждая вторая семья дачевладельцев в нашей стране — люди с высшим образованием. Они слышали и о мышьяке, и о высокочастотном облучении.

Все они не раз говорили друг другу, что „начальство“ ни в грош людей не ставит, — но это же зеркальное отражение массовой самооценки. В нашей культуре давно утвердилась крайне низкая цена человеческой жизни.

Глубинные источникиНаплевательское отношение к собственному здоровью коренится в более общей и глубокой идее — в отрицании мира. Это уже из области религиозно-философской, из особенностей православной ментальности с её гностическими или мироотречными смыслами, ассимилированными русской культурой. Чего дорожить жизнью и здоровьем в мире, который „лежит во зле“? Раз вожделенный для русского сердца идеал абсолютного добра не достижим, то жизнь в мире относительных ценностей недорого стоит. В нашей истории присутствует такая реальность, как „палы“, то есть массовые самосожжения старообрядцев. Именно в России рождается знаменитая суицидальная игра „гусарская рулетка“. Жизнь человека стоит всего ничего и в глазах его самого, и в глазах его соседа, приятеля, собутыльника (отсюда бытовые убийства по ничтожному поводу) — и в глазах всяческого начальства.

Обращаемся ли мы к повсеместным нарушениям техники безопасности и всяческих регламентов, пытаемся ли осознать, что толкает наших соотечественников перебегать дорогу на красный свет, выпархивая из-под колёс автомобиля, — нам ничего не понять до тех пор, пока мы не осознаем, что эти формы поведения связаны с отношением к миру и жизни человека.

Сочетание современной технологии с традиционной российской культурой проявляется во многом. К примеру, в нашей культуре не любят процедуры: традиционный человек переживает мир целостно. Он учится у мастера „из-за спины“, повторяя, копируя, вживаясь в целостность ритуальной, по сути, ситуации. Технологический процесс не расчленён на процедуры, не описан, не формализован. Нет слов для описания, как нет и навыка проговаривания, формализации существа дела.

Такая синкретическая нерасчленённость, целостное ритуально-магическое переживание мира для традиционного человека — ценность и единственно нормальное состояние. Всяческий анализ, членение, дробление предмета ему не свойственно. Однако любая осознанная процедура есть результат аналитического членения некоторого целостного континуума деятельности, а такая операция вызывает в традиционном сознании чувство иррациональной тревоги.

Человек аналитической культуры мыслит технологический процесс как технологически заданную последовательность чётко описанных процедур. Внимание к процедуре, осознание процедуры как культурной ценности есть один из итогов развития европейской цивилизации. На этом пути можно отметить и Аристотеля с его логикой, и многовековую школу схоластики, и особое внимание к процедуре в системе права, и опыт парламентаризма, и алхимическую традицию, воспитывавшую предельное внимание и точность предписанных действий, и многое другое. В результате рождается определённый тип культуры и соответствующий ему тип личности.

В русской культуре чуткий к нюансам исследователь обнаруживает противоположную интенцию. Прямо она не заявляется или заявляется редко, по частным поводам. Процедура — не важно, производственного технологического цикла или социального взаимодействия, или мыслительного процесса — переживается как вещь второстепенная, способная заслонить главное: цель. Увести от сути. Ею можно, иногда и нужно пренебречь. Знаменитое вопрошание — „Судить тебя по закону или по совести?“ — есть вопрос: остаться ли в пространстве процедур или уйти в мир существа дела. Хорошо известен и традиционный ответ. Противостояние сути и процедуры восходит ещё к памятнику религиозной словесности XI века „Слову о законе и благодати“ Иллариона, где бездушному закону Ветхого Завета противопоставляется невыразимая и нерасчленимая на части магическая благодать. Не слишком отдавая себе в этом отчёт, традиционный человек боится и бежит от процедуры.

В бегстве от инструкцийЗдесь — особое пространство рисков. Общество, в котором инструкция вызывает зевоту, а человек, который действует по инструкции (правилам, процедурам), для большинства просто скучный идиот, обречено на хаос. Если герой, „настоящий мужчина“ — тот, кто нарушает „глупые“ предписания, то обществу с такими героями грозят опасности.

Недавно исполнилось семьдесят лет со дня убийства Павлика Морозова. Суд над обвиняемым в убийстве, как пишут историки, шёл в большом зале, украшенном лозунгами „Смерть убийцам Павлика Морозова“. В перерывах между заседаниями суда играл оркестр. Обвиняемые несколько раз пытались сообщить, что на следствии их пытали, — им не давали говорить. Адвокат отказался защищать обвиняемых.

Забудем о специфике сталинской эпохи. Самую чудовищную судебную расправу можно было бы обставить в более пристойные формы. То, что было, возможно только в обществе, презирающем любые судебные процедуры.

После 1993 года в российском обществе накапливается некоторый опыт политической и парламентской жизни. Массовый человек узнаёт из СМИ о роли и существе политических процедур — электоральных норм, парламентского регламента и т.д. Но скандалы с нарушениями процедур в ходе региональных выборов, ставшие постоянным фоном политической жизни, свидетельствуют в том числе и о пренебрежении общества к процедуре.

В России очень сложно добиться неукоснительного исполнения предписаний в

производстве и особенно в эксплуатации всяческих систем, машин и механизмов. В стране найдётся буквально несколько сложных систем типа самолёта Президента РФ, относительно которых можно быть уверенным в том, что регламентные работы исполняются безукоризненно. Конечно, любая техническая система выдержит и нарушение правил. Сразу это не скажется. Но повышается риск аварии, ухудшается качество работы, снижается срок эксплуатации. Всё это — эксплуатационные риски. Это серьёзная культурная проблема.

Обобщая итоги расследования аварии на подводной лодке „Курск“, „Российская газета“ (26.08.2002) сообщала о целом букете нарушений технологии работы с личным составом, с оружейными системами, с системами аварийной эвакуации личного состава и т.д. Статистика аварий убеждает нас: дело не в конкретной ситуации на АПЛ, на Северном флоте или в армии вообще. Дело в культуре нации.

Осторожно! Очень высокое напряжениеПред нами проблема, не осознанная ни в своём качестве, ни в своём объёме. Современное общество, в котором работник, нарушающий технологические предписания, не превращается с необходимостью в безработного, обречено. Особенно сегодня, когда сроки безаварийной эксплуатации большинства систем инфраструктуры истекли.

В России исторически сложился незаконопослушный человек. Он не понимает, что европеец, дожидающийся зелёного сигнала на пустой улице, испытывает чувство самоуважения и выполненного долга. Что в рутинном выполнении принятых норм заключена для европейца безусловная социальная ценность. Что в этой бессмысленной для варвара верности норме он усматривает критерий отношения человека к миру цивилизации.

Наше общество изменяется настолько стремительно, что культура „не поспевает“ за этими изменениями. Более 80 процентов населения РФ живёт в городах, но в своём большинстве это горожане первого поколения. Вчерашние крестьяне принесли с собой в современную высокотехнологичную среду массу слабо осознаваемых установок, культурных рефлексов, предубеждений, присущих традиционному обществу. Сталкиваясь с современной реальностью, эти элементы традиционной ментальности рождают самые разнообразные риски — социальные, технологические, политические. Наша задача — осознать, в чём состоят и откуда берутся эти риски.

Осознав природу конфликта мы обретаем шанс разобраться в себе самих. Понять, что за иррациональными установками стоит традиционная культура. Осознанная, проговорённая вслух, вытащенная на свет Божий проблема вчетверо легче. С ней можно как-то соотноситься, вырабатывать осмысленную позицию.

Древние говорили: „Предупреждён — значит вооружён“.